

Известия - 1997. - 21 ноября. - с. 7.

Театр одного актера

**Константин Райкин
отдал «Сатирикону»
всего себя**

«Сатирикон» вновь добился успеха: зал на «Кюджинских перепалках» набит, после спектакля долго не смолкают аплодисменты. Этому театру удалось то, о чем другие могут только мечтать: в него пошла молодежь, пошли новые люди, те, кто вписался в ритм перемен и преуспел. Его среднестатистическому зрителю около тридцати, у него короткая стрижка, крепкий подбородок, на поясе пейджер, рядом с ним — хорошо одетая женщина. «Сатирикон» облюбовал сегодняшний средний класс, «новые сытые»: в Брынцаловы и Боровые они выбиться не сумели, но тем не менее стали жить лучше и веселее. Режиссерское искусство Константина Райкина им понятно и близко.

В давнем интервью Райкин описывал типичный московский театр, архаичный, вялый, никому не интересный — сцена должна объять зрителя энергией, без этого она мертва. В «Кюджинских перепалках» энергия бьет ключом: герои спектакля бегают, кричат, размахивают ножами, камнями и саблями, прыгают, обнимаются, бурно влюбляются, выясняют отношения, шутят — все это умножено раза в два. Действие развивается в стремительном ритме, который не оставляет ни актерам, ни зрителям времени вздохнуть, взглянуться в происходящее, понять, что, собственно, происходит. Рыбачки мирно вяжут кружево на площади, а через мгновение яростно поносят друг друга, потрясая клинками рыбаки, косяязычный Фортунато пытается втолковать нечто невнятное, похотливый помощник судьи поглощает невероятное количество пищи и охотится на местных женщин, драчуны с плеском падают с набережной в море...

Константин Райкин с блеском исполнил бы в «Перепалках...» любую роль и вытянул бы спектакль. То, что делают актеры театра «Сатирикон», кажется добросовестным, но не передающим дух оригинала подражанием.

Райкин уникален, во всяком случае для отечественного театра. У наших артистов иная природа дарования — второго такого пластичного, внутренне подвижного, способного к стремительным перевоплощениям актера в России нет. На Райкина, начинавшего в «Современнике», ходили все театралы Моск-

вы: то, что мог сделать он, было неподвластно никому другому. Маленький, стремительный, гибкий, с некрасивым гуттаперчевым лицом, он выкладывался в своих ролях до последней капли, играл азартно, яростно, был великолепным комиком, был замечательным характерным актером, создал свое амплуа вездесущего и не слишком веселого русского Арлекина... А потом ушел в театр «Сатирикон».

Райкин — артист до мозга костей, а театр засасывает его, отнимает время, треплет нервы — зачем ему это? Говорят, что настоящий, состоявшийся в профессии актер не променяет ее ни на какую другую — кроме режиссерской. Артисту надо играть, а режиссер переигрывает все роли, что ни есть в его спектаклях — и Райкин растворился в своих актерах. Человек азартный (шесть раз сломанный в драках нос — последний раз на гастролях «Современника»); человек мрачноватый, тяготившийся своей славой Труффальдино, недовольный тем, что предлагало ему кино, отказавшийся вести передачу на телевидении, он хотел настоящего дела. И он его получил — Райкин

часто даже ночует в театре. Маленькая комнатка, топчан, ручной инструмент; поработал и уснул, а утром снова за работу... В последнее время у него были две великолепные (через энное количество лет можно будет сказать — великие) роли: Грегор Замза в «Превращении» и Брюно в «Великолепном Рогоносце». Все остальное у Райкина взял «Сатирикон».

Глядя на то, как работают актеры в «Кюджинских перепалках», поневоле представляешь Райкина. Он был бы великолепен в роли Фортунато: безызыкий клоун, одержимый вдохновенным безумием, стремительный, гибкий, уморительно нелепый; он был бы хорош в роли отчаянного ревнивца и поножовщика молодого рыбака Тита-Нане, спорого на драку, как мартовский кот... Это действительно его роли: так, как они придуманы, их смог бы сыграть только он сам.

Райкин, блестящий эксцентрический актер, ходил бы колесом по сцене, появлялся бы и тут, и там, все постановочные ходы, придуманные в расчете на такое брызжущее энергией исполнение, наполнились бы жизнью и заиграли... Но несколько Райкиных были бы перебором для любого спектакля, а в «Кюджинских перепалках» нет и одного настоящего.

Публика «Сатирикона» полюбила и приняла то, что предлагает ей режиссер. Она готова платить за яркое, динамичное, захватывающее шоу, ей нужен не текст, а комикс, и Константин Райкин создал театр, предназначенный новому поколению. Поколению, которое выбирает пепси, с удовольствием смотрит видеоклипы и тащится от эстрады. «Сатирикон» предлагает ему классику, адаптированную для тех, кому лень думать и некогда чувствовать. Сохраняется сюжетная канва, которую театр наполняет шумом, блеском и потасовками, а мысль и душа пьесы при этом остаются невостребованными. Театр выстраивает жесткое, динамичное и неживое зрелище.

Самая красивая сцена спектакля приходится на финал. Все завершается примирением и помолвками, герои пируют за огромным, уставленным яствами столом, и кулинарное великолепие вдруг застилает белая пелена снега. Это вольная цитата из «Кюджинских перепалок» Джорджо Стрелера — там за перебранками рыбаков с доброй и мудрой улыбкой наблюдал главный герой спектакля, судья Исидоро. Действие окутывала ностальгия по наивному, неумному, цельному миру Кюджи, каждая деталь была важна и значима... А



Сцена из спектакля «Кюджинские перепалки»

Райкин — азартный человек, он по уши увлекается собственными постановочными идеями — режиссер же должен быть холоден. В спектакле рвется смысл: помощник судьи Исидоро в «Сатириконе» оказался неукротимым едоком и пьяницей (бочкой ему служит снабженный краником судейский стол), а также отъявленным бабником. У Гольдони между тем это истинно благородный человек, скучающий наблюдатель за жизнью, ради своего развлечения устраивающий всеобщее счастье. Добрая душа тратит ради этого собственные деньги, а в спектакле он, судя по всему, не брезгует мелкими взятками.

Идея спектакля трудноуловима: быть может, театр хотел сказать, что любовь всегда побеждает ревность, а может, то, что без любви жизнь не имеет смысла. Концепция здесь не очень важна, а то, что можно подставить на ее место, не отличается глубиной. Создателя спектакля волновало само зрелище: энергичное, жесткое, выплескивающееся на зрителя... И зрителю это пришлось по вкусу.

сам спектакль был сложен для восприятия, и сатириконовский зритель на него, скорее всего, не пошел бы.

Но это не так уж и интересно. Интересен Константин Райкин: то, что с ним произошло, то, что с ним будет происходить. Как дальше будут складываться внутренние отношения Райкина с «Сатириконом», окажется ли их брак счастливым, или трагический оттенок, который у ситуации есть и сейчас, станет вполне законченным, покажет будущее. Большой артист не стал большим режиссером, но не стоит гадать, был бы Райкин счастливее в ином профессиональном и жизненном амплуа. Это неумно и пошло: он сам выбрал свою судьбу и тянет воз, который взвалил на себя много лет назад, не жалея о несыгранных ролях, о фильмах, которые прошли мимо него, о потраченном времени, молодости, силах... И уж тем более не стоит оскорблять художественного руководителя театра «Сатирикон» снисхождением: он достоин того, чтобы его спектакли судили по высокому счету.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия».

80
79